

Дэвид Линч: «Идеи – это дары свыше»

ГЛАВНЫЙ ВИЗИОНЕР СОВРЕМЕННОГО КИНО – О ЗРИТЕЛЯХ, КРОЛИКАХ И СВОЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ИМПЕРИИ

ЭКСКЛЮЗИВ

Антон ДОЛИН

ПЕРЕД ТЕМ КАК РАЗДАТЬ ПРИЗЫ, ПРЕЗИДЕНТ ЖЮРИ ВЕНЕЦИАНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ КАТРИН ДЕНЕВ НЕОЖИДАННО ЗАЯВИЛА, ЧТО ЛУЧШИМ ФИЛЬМОМ ПРОГРАММЫ СЧИТАЕТ «ВНУТРЕННЮЮ ИМПЕРИЮ» — НОВУЮ РАБОТУ ГЕНИАЛЬНОГО АМЕРИКАНЦА ДЭВИДА ЛИНЧА, НАЗВАНИЕ КОТОРОЙ, ПО НАСТОЯНИЮ АВТОРА, ДОЛЖНО ПИСАТЬСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ.

Однако никаких призов Денев дать Линчу не могла при всем желании. Он уже успел получить за три дня до того почетного «Золотого льва» за карьеру. Директор фестиваля Марко Мюллер — единственный человек, видевший фильм до премьеры, — сказал без обиняков, что считает его заслуживающим высшей награды и не понимает, почему бы не выдать ее сразу, не полагаясь на сомнительный вкус судейской комиссии. Увидев «Внутреннюю империю», понимаешь: такой фильм — вне любых конкурсов, и судить его по общепринятым канонам — дело бессмысленное. Вообще, большой вопрос — кино ли перед нами или новая форма визуального искусства?

Сеанс гипноза без разоблачения

На единственный показ в Венеции ломились толпы, а Линч час раздавал автографы, будто он голливудская звезда, а не интеллектуальный режиссер, снявший самый авангард-

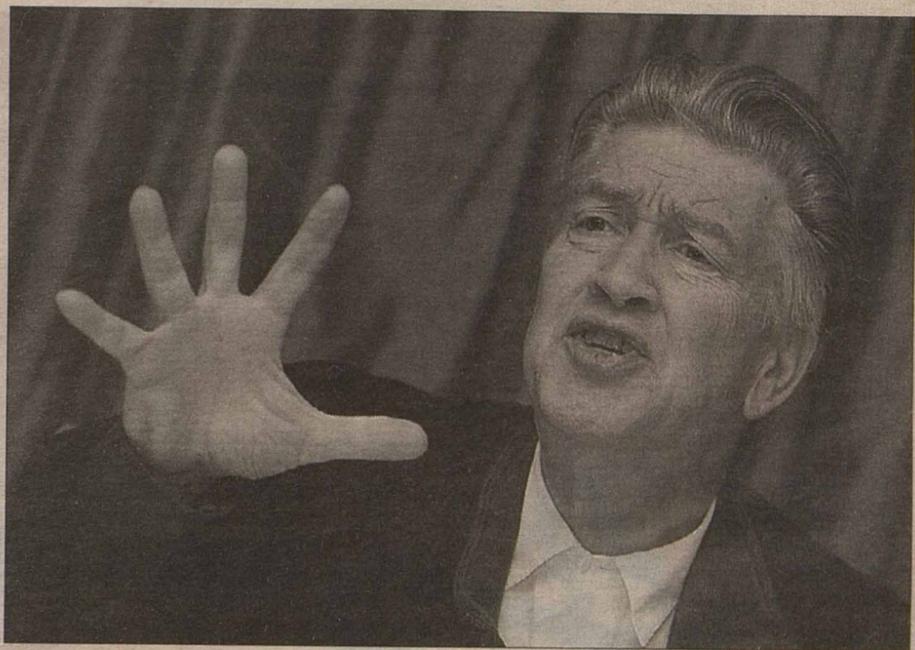
магии. И все же обозреватель «МН» рискнул обратиться к режиссеру с рядом вопросов.

— Откуда взялись слова «Внутренняя империя» (Inland Empire)? Это явно не географическое название, хоть в Калифорнии и существует местность под таким названием.

— Началось все с того, что однажды, когда работа над фильмом уже вовсю шла, а названия у него еще не было, я разговорился с исполнительницей главной роли Лорой Дерн. Она рассказала между делом, что ее муж родом из этого местечка, недалеко от Лос-Анджелеса. В ту минуту, когда я услышал словосочетание Inland Empire, я перестал искать и сразу осознал: вот оно — название для фильма. Означать оно может что угодно... Кстати, уже после того, как я определился с названием, мне как-то позвонил мой брат. Он сказал, что делал уборку в небольшом домике в Монтане, принадлежащем моим родителям, и нашел там в подвале детский альбом для фотографий. Этот альбом принадлежал мне, когда мне было лет пять или около того. Брат прислал альбом, я его раскрыл... и под первой же картинкой, на которой был изображен Джордж Вашингтон, обнаружил подпись: Inland Empire.

— Ходят легенды, что вы сняли этот фильм вообще без сценария. Это так?

— Нет-нет-нет, ничего подобного. Не верьте всему, что вам скажут. Каждая сцена была тщательнейшим образом записана в сценарии прежде, чем мы провели кастинг и начали съемки. Иначе бы я и не приступал

«В каждой идее скрыто столь многое, что приходится собирать ее по частям»

а идеи — это дары свыше. Когда приходит идея, в которую ты влюбляешься, вместе с этим прекрасным ощущением приходит понимание того, как превратить идею в кино. Все мы такие разные, и никто не гарантирует, что вы влюбитесь в идею, которая понравилась мне! Влюбленность в идею — необъяснимое явление. В каждой идее скрыто столь многое, что приходится собирать ее по частям. Сперва я сам не понимаю, как именно фрагменты сложатся друг с другом. Безумно странное ощущение: будто у тебя есть целая куча фрагментов одного паззла, но нет ключа, и ты не представляешь себе картинку, которая получится из этих кусочков. Понемногу начинаешь говорить себе: «Что-то происходит, оно складывается...» Затем к одной идее прибавляется другая, и так рождается фильм. Правда, изредка я вижу всю картину целиком, а уже затем дроблю ее на фрагменты, но на этот раз было не так.

— Вы же утверждаете, что у вас был написанный сценарий? То есть вы все-таки представили себе фильм до начала съемок, хотя бы в общих чертах?

— Нет. Возможно, в истории случалось так, что к тому или иному автору идея приходила сразу, в виде озарения: паф, и он изложил ее на бумаге, от и до. Но это случается край-

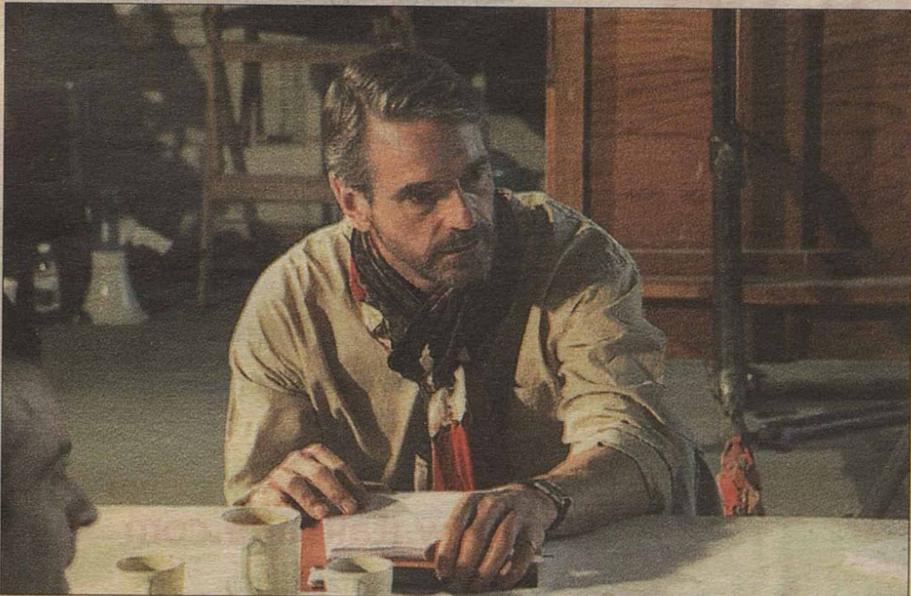
между тьмой и светом превращается в историю, которую ты собираешься рассказать.

— А средства для того, чтобы ее рассказать, откуда приходят они?

— Оттуда же — из идей. Ты ищешь нужное тебе место, где будет происходить действие... Или создаешь это место сам.

Внутренняя Польша

Слово «понимание» в отношении кинематографа Линча неприменимо. Тем не менее, доверяя своим глазам и ушам, смотря внимательно и непредвзято, «Внутреннюю империю» можно расшифровать без особого труда (правда, каждый сделает это на свой лад), и тогда ни один эпизод масштабного много часового полотна не покажется лишним или затянутым. Линч — ничуть не символист; напротив, символы поддаются однозначной трактовке, а образы Линча — никогда. Подлинная революция в кино — открытый Линчем краткий путь от образов к чувствам: только на его фильмах зрители рыдают или хохочут, но не могут объяснить, что вызвало в них подобную реакцию. Впрочем, от манипуляций эмоциями режиссер так же далек, как и от масонской многозначительности. Его метод — не загадочная алхимия, а чистая химия: формула взаимодействия

Джереми Айронс во «Внутренней империи» играет кинорежиссера, ни в чем не похожего на Дэвида Линча

ный свой фильм, делящийся к тому же три часа. Линч делает важнейшие картины к собственным юбилеям: в 30 лет он дебютировал «Головой-ластиком», в 40 нашел формулу неповторимого стиля в «Синем бархате», в 50 распрощался с логикой сюжета в «Шоссе в никуда», а в 60 взорвал представления о задачах кинематографа. «Внутренняя империя» отталкивает и притягивает, пугает и чарует, действует, как мощный сеанс гипноза. Известно, что Линч никогда не отвечает на мольбы зрителей и критиков как-то объяснить свои фильмы, расшифровать их — сеанс разоблачения вредит любой

к работе. Но сценарий состоит из страниц! Вот актеры и получали от меня лишь странички со своими репликами. Им этого было достаточно.

— Каждый следующий ваш фильм не похож на предыдущий, однако ваши постоянные зрители запросто вычлениют в них общие мотивы и темы. Значит ли это, что вас беспокоят и интересуют одни и те же материи, с которыми вы пытаетесь разобраться из картины в картину?

— Для меня фильм не имеет ничего общего с походом к психоаналитику. Фильм рождается на свет, когда ко мне приходят идеи,

Альбом принадлежал мне, когда мне было лет пять или около того. Брат прислал альбом, я его раскрыл... и под первой же картинкой, на которой был изображен Джордж Вашингтон, обнаружил подпись: Inland Empire

не редко. Вместо озарения приходят фрагменты, а твоя работа — собрать их и соединить друг с другом. Вне себя от тревоги ты перемещаешь их по-разному, ищешь и пробуешь самые сумасшедшие комбинации. Одно окончательного способа не существует. Однако существует поле, на котором все фрагменты сложатся воедино. Его поиск — моя задача. Единое поле — тот абсолют, поисками которого всю жизнь занимается Эйнштейн. Оно действительно существует, это доказано физиками! Это ли не подлинная магия? Когда ты становишься на это поле, ты можешь управлять идеями и отделять их друг от друга: вот это — маленькая синяя идея, а это — серебристая с красными крапинками. Как они связаны? Ты работаешь без остановки, пока не поймешь этого. И тогда рождается сюжет.

— Но откуда приходят эти фрагменты, эти идеи? Из темноты подсознания?

— Не из темноты, а из твоих представлений о природе времени, о мире. Мир, который мы ощущаем и обдумываем, производит на свет идеи. Все они тут, рядом, рукой подать. Надо только встретиться с ними. Тьма окружает нас, но идея помогает выплыть на поверхность и покинуть тьму. Контраст

визуального ряда с мозгом воспринимающего субъекта. Реакция возникает не сразу. Фильм работает внутри тебя, и осознание увиденного приходит лишь со временем.

Внезапно оказывается, что мистические кролики в человеческий рост, польские циркачи и лос-анджелесские проститутки, образующие здесь подобие хора из греческой трагедии, собрались в одном фильме не ради воплощения безумных фантазий режиссера. Все они рассказывают простейшую историю женщины, актрисы по профессии, которая во время съемок мелодрамы увлеклась актером-партнером и изменила мужу. Итог — не просто очередной извращенный лабиринт, но процесс совместной инициации зрителя и героини в то, что принято считать любовью. «Внутренняя империя» — самая необычная love story в истории кино.

В любимых Линчем перевоплощениях пространства и времен нет ничего случайного. В центре фильма — две параллельные трансформации: матрицы кинематографа и человеческой души. На обоих уровнях главная задача — ответ на единственный вопрос: где фальшь, имитация, а где истина. Как отличить неповторимую реальность от слепка с нее? Вопрос, поднятый Линчем

в последней серии «Твин Пикса» полтора десятилетия назад, по-прежнему открыт.

Структуру картины образует то, что сам режиссер называет «мирами внутри миров». Таковых во «Внутренней империи» три: реальный, кинематографический и третий, скрытый от глаз, но выходящий наружу благодаря «фильму в фильме». За кадром скрипит старая пластинка, кадр покрывается патиной ретро, речь звучит уже не на английском, а на польском языке. Герои этой, самой загадочной, истории заперты в ней, и их освобождение, превращение из бесплотных призраков (одного из персонажей даже зовут «Фантомом») в людей — задача, стоящая перед Линчем и его подопечными. Сделать фантомов из подсознания реальными существами из плоти и крови может лишь один режиссер на земле: Дэвид Линч.

— Каково было снимать на незнакомом языке — на польском?

— Я в совершенстве владею польским!.. Шучу. Сценарий я написал по-английски,

— Вы нарочно стараетесь избегать приглашения среднестатистических голливудских звезд?

— Среднестатистическая голливудская звезда стоит среднестатистические двадцать миллионов долларов. Иногда приходится отказываться даже от самых подходящих актеров именно по этой причине.

— Но, похоже, Лору Дерн на главную роль вы взяли не из-за низкого гонорара, запрошенного ею. Без нее бы ведь «ВНУТРЕННЯЯ ИМПЕРИЯ» не могла бы состояться?

— Нет. Никогда. Это ее фильм.

— В остальном состав актеров на удивление интернационален: кроме американцев, англичан и поляков там есть даже японка!

— Я встретил ее совершенно случайно. Мы снимали сцену в ночном клубе, где девушка танцует на сцене, и в этом клубе, если вы посмотрите в толпу, вы сможете различить японскую девушку в толпе. Я познакомился с ней, и вдруг выяснил, что она професси-

зультат. Я не хочу пугать актеров, я хочу, чтобы им было удобно, а «цифра» позволяет мне вступать в съемку, делать ремарки, просить повторить реплику... Это помогает. И с изображением, и со звуком. Поймать нужную интонацию очень трудно, это деликатный процесс: с гигантской камерой и сотней ассистентов я бы не мог этого добиться, а актер, только настроившись на нужную волну, тут же бы ее терял. «Цифра» — это чудо!

В погоне за темным кроликом

С годами романтический герой-рыцарь исчез из вселенной Линча, и его место занял человек двойственный, мечущийся, для кого-то представляющий идеальную картинку — как фото Лоры Палмер за стеклом школьной витрины, но на самом деле страдающий, и ценой этого страдания заставляющий фильм жить. Чаще всего это женщина: за Лорой Палмер — Лора Дерн. Линч открыл ее, когда ей было всего 19, в «Синем бархате», снимал в «Диких сердцах». Во «Внутренней империи»

— Вдохновение приходит, когда ты видишь что-то, что ты любишь. Для меня это «Дорога» или «8 1/2» Феллини, «Бульвар Сансет» Уайльдера. Эти фильмы сотрясают мою душу.

— А современные фильмы вы смотрите?

— Не часто. Скорее, редко.

— Новых проектов у вас на горизонте еще нет?

— Пока нет, не считая пары незаконченных картин — я говорю о живописи, а не о кино. Я завершил «Внутреннюю империю» ровно за три дня до ее международной премьеры в Венеции, верите? В полночь фильм был закончен, а в 6:30 утра я уже его смотрел. Я был первым зрителем. Я, конечно, одержимый перфекционист, но фильм закончил. Он готов, и он именно таков, каким должен быть.

— Вы ведь работали над ним два с половиной года?..

— Да. Я работал над ним сам для себя и на первой стадии собирался снимать «Внутреннюю империю» на собственные деньги. Но однажды в мою дверь постучали люди

Мир, который мы ощущаем и обдумываем, производит на свет идеи. Все они — тут, рядом, рукой подать. Надо только встретиться с ними. Тьма окружает нас, но идея помогает выплыть на поверхность и покинуть тьму

потом дал польские фрагменты переводчикам. Правда, когда дело дошло до съемочной площадки, я иногда терялся. Приходилось спрашивать: «А это что за реплика?» Секрет в том, чтобы снять хоть одну сцену полностью, без остановок и в нужном порядке. Тогда можно было разобрать реплику за репликой. К тому же стоило наложить английские субтитры, и я опять увидел текст своего сценария. А польским актерам я безумно благодарен. Они так талантливы и умны! Слов не хватит, чтобы выразить мое восхищение.

— Почему именно Польша?

— Потому что я подружился с компанией людей, организовавших фестиваль операторского искусства Camera Image в Лодзи. Впервые я приехал туда в 2000 году и был поражен тем, как на протяжении 14 лет они, безо всяких спонсоров или господдержки, проводят этот фестиваль. Таких трудовогоиков в жизни не встречал. Они и помогли мне с «Внутренней империей».

— То есть при иных обстоятельствах действие фильма могло бы происходить не в Польше, а в России?

— Разумеется, почему бы нет! Просто в России я никогда не бывал и ни с кем там не встречался. Я бы с удовольствием приехал, но мне говорили, что Москва — невероятно дорогой город...

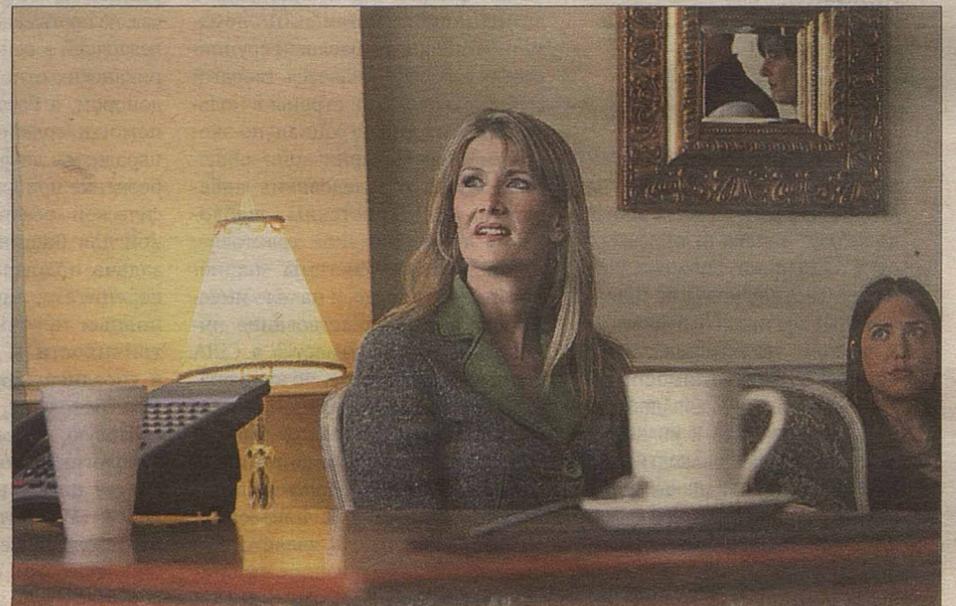
нальная актриса. Я тут же принял решение и сказал ей: «Я найду для тебя роль», еще сам не зная, о чем речь. А потом порылся в сценарии и откопал там для нее пару подходящих страниц. Она просто прекрасна и на редкость мила. Хотя ее речь пришлось сопроводить субтитрами: ее версию английского языка смогли понять не все.

— Наверное, благодаря съемкам на цифровой камеру съемочная группа была небольшой?

— Я бы сказал, крошечной. Никакой магии, никаких толп. Для съемок в Голливуде нам, правда, понадобилась помощь пары полицейских, чтобы ненадолго перекрыть движение. Но в основном обходились своими силами. Если бы у нас была большая группа, ничего бы не вышло. Только цифровая камера позволяет войти в доверие к актеру и добиться от него того, что мне было необходимо.

— Неужели актер доверяет режиссеру с крохотной камерой в руке?

— Как вам сказать... Сперва актер пугается или теряется. Ему кажется, что это шутка, и он начинает беспокоиться: как я буду смотреться в объективе такой камеры? Она действительно выглядит как игрушка, и это беспокоит людей. Но, с другой стороны, я могу снимать актера на протяжении сорока минут, без остановки, и получаю необходимый ре-

Лора Дерн, открытая Линчем ровно 20 лет назад в «Синем бархате», стала главной и чуть ли не единственной подлинной героиней «Внутренней империи»

она не центральный образ фильма; она — сам фильм, универсальная призма, сквозь которую проходит свет, искривляясь на выходе и превращаясь в вереницу причудливых образов. Остальные исполнители, будь то маститый Джереми Айронс или безвестный поляк, лишь подставляют плечо.

Цифровая камера для Линча — как увеличительное стекло, позволяющее погрузиться в персонажа и отринуть те детали декора (красные занавески, синие парики и пр.), которые до сих пор составляли «фирменный» стиль режиссера. «Внутренняя империя» — это новый Линч, бескомпромиссный и беспощадный, способный увидеть ад в темной веренице звезд с Голливудского бульвара и рай — в пронзительной вспышке электричества. Или услышать его в музыке, звучащей ниоткуда: кстати, саундтрек Линч собирал сам, включив сюда польских (как иначе!) классиков Лютославского и Пендерецкого, американца Бека, песни собственного сочинения и извечного «Грешника» Нины Симон, завершающего эту многофигурную визуальную симфонию. Теперь ему не нужны карлики и великаны, да и время артефактов наподобие синей коробочки прошло. Дистанция экрана, в котором скрываются другие экраны. Как в зеркальной комнате, они умножены до бесконечности: от гигантского экрана пустого кинотеатра до телевизора в гостиничном номере или компьютерного монитора, на котором прямо из интернета являются неведомые кролики из параллельного мира. Из этих элементов собирается катарсис, но чтобы его обрести, зритель должен пройти нелегкий путь. Вряд ли многие фильмы, снятые за последние годы, требуют от публики такой работы.

— Вы ощущаете параллели с другими режиссерами, работающими в современном кино?

— Каждый из нас работает сам по себе, но многие режиссеры мне очень нравятся.

— Было такое, чтобы чужой фильм вдохновлял вас на собственный?

из Canal Plus, мои давние знакомые. Я сказал им: «Я сам не знаю, что делаю, но снимаю я это на цифровое видео. Хотите в этом участвовать?» И они сказали: «Да». Так продюсерами стали французы. Для них, в отличие от американцев, очевидно, что у режиссера должно быть право на окончательную монтажную версию. А еще французы любят кино больше, чем жители любой другой страны. Пожив пару месяцев в Париже, вы сможете увидеть на широком экране, кажется, любой фильм из тех, которые были сняты за всю историю кинематографа! Когда твои продюсеры любят кино, ты начинаешь видеть в них не спонсоров, а товарищей.

— Никогда не думали переехать жить в Европу?

— Я слишком люблю Лос-Анджелес, в котором живу.

— Жизнь в Голливуде на вас, похоже, никак не влияет. Как вам удается хранить такое присутствие духа и не изменять себе ни в одном фильме?

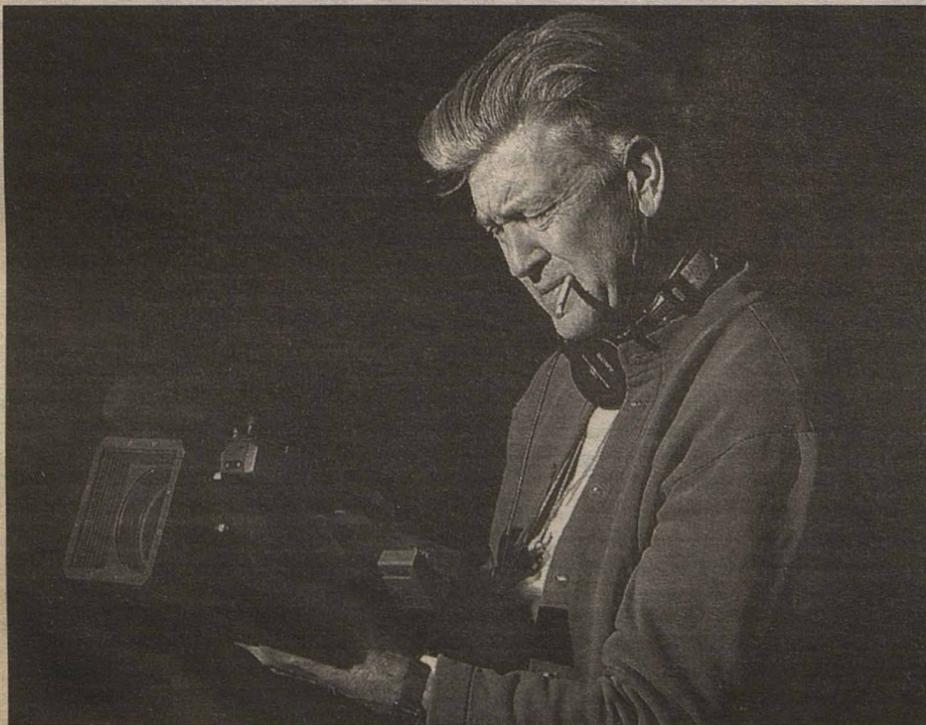
— Очень просто: при помощи трансцендентальной медитации, которую я практикую ежедневно, дважды в день, на протяжении тридцати трех лет. Ни разу не пропустил.

— Последний вопрос: откуда все-таки в фильме взялись кролики, и что они означают?

— Представления о животных, похожих на людей, стары как мир. Помню, как однажды я набросал на листе бумаги контур уютной комнаты с мебелью и обоями, напоминающими о 1940-х годах, и там поселились эти кролики. А что они значат и откуда взялись, я и сам понятия не имею.

Лейтмотив «Внутренней империи» — животные. У них Линч предлагает поучиться умению сливать воедино чувства и мысли. И актер Линч, и его зритель должны разбудить в себе это животное начало, чтобы им открылась дверь в магическую комнату, где обитают необъяснимые кролики.

Кролики — не то, чем кажутся.

В представлении Дэвида Линча цифровая камера — настоящее чудо

21